

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ОЛЕЙНИК И.И., канд. ист. наук, ОЛЕЙНИК О.Ю., д-р ист. наук

Характеризуется процесс возникновения и развития на протяжении 20-х–30-х гг. XX в. системы советских юридических образовательных учреждений, а также анализируются результаты их деятельности по правовой подготовке судей, прокуроров, следователей.

К настоящему времени сделаны существенные шаги в изучении развития юридического образования в Советском государстве¹. Однако отсутствуют исследования, в которых бы комплексно раскрывались организация и результаты правовой подготовки судей, прокуроров, следователей в 1920–1930-е гг. XX в.

Например, А.Ф. Шебанов, В.А. Буков, А.С. Смыкалин, П. Соломон и авторы коллективной монографии «Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР» применительно к указанному периоду приводят лишь отдельные данные. В диссертации В.В. Ганина содержится общая характеристика системы юридических учебных заведений СССР и их профессорско-преподавательского состава в 20–30-е гг., схожая с той, которая уже была дана А.Ф. Шебановым, но также не прослеживаются сведения о количестве студентов юридических вузов и факультетов, слушателей юридических курсов и школ.

Никто из указанных авторов не ставил следующих задач: выяснить динамику того, сколько выпускников-юристов в те годы направлялось в органы юстиции; как менялся удельный вес судей, прокуроров, следователей, защитников, имевших юридическое образование; каковы были проблемы организации и функционирования на местах заочной формы обучения работников юстиции.

Как известно, в первый год после Октябрьской революции юридическое образование еще не претерпело серьезных изменений. Например, в отчете МГУ указывалось: «Не говоря уже о 1917 г., весь 1918 г. прошел для юридического факультета все еще в обстановке дореволюционного уклада... Влияние революции не отразилось за эти годы сколько-нибудь существенно ни на составе профессуры, ни на учебных планах факультета... Большинство студенчества, все еще рекрутировавшегося из непролетарских слоев населения, шло за буржуазной профессурой»².

1 октября 1918 г. был обнародован декрет СНК РСФСР «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений», согласно которому профессора и преподаватели, проработавшие в данном вузе более 10 лет или имеющие более 15 лет общего педагогического стажа, должны были пройти конкурс. В процессе конкурсного отбора, проводившегося со всей строгостью «революционного правосознания», значительная часть старого преподавательского состава была под различными предлогами отстранена от работы. Преподавательский корпус Московского университета был пополнен новыми, главным образом молодыми работниками, 175 доцентов и приват-доцентов получили звание профессора. Данная политика по замене преподавательского персонала продолжалась в 1920 и 1921 гг.³

30 января 1919 г. Совнарком РСФСР принимает декрет об открытии новых университетов на территории республики. Сроком их открытия следовало считать день первой годовщины Октябрьской революции – 7 ноября 1918 г.⁴ В соответствии с данным декретом были основаны университеты в Нижнем Новгороде, Воронеже, Днепропетровске, Иркутске, Ереване, Тбилиси, Баку, а в 1920 г. – в Екатеринбурге и Ташкенте. В сентябре 1920 г. в Харькове в составе объединения гуманитарных вузов был создан первый советский юридический вуз на Украине⁵.

Зачисление учащихся в университеты, как вновь созданные, так и существовавшие ранее, производилось на основании декрета СНК от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения». Несмотря на усилия большевистского режима по коренному изменению социальной принадлежности учащихся, большинство студентов в первые годы советской власти по своему происхождению были выходцами из непролетарских слоев населения⁶.

Однако весной 1919 г. большевистское правительство взяло курс на свертывание юридических факультетов в университетах. В марте 1919 г. Наркомпросом РСФСР было издано «Положение о факультете общественных наук», согласно которому юридические факультеты упразднялись и взамен них создавались факультеты общественных наук (ФОН). В составе факультета общественных наук предполагалось три отделения: 1) юридико-политическое, 2) экономическое и 3) историческое. На юридико-политическом отделении должны были читаться курсы: история права и государства, эволюция политической и юридической мысли, публичное право советской республики, социальное право, криминальная социология и политика, рабочее право и социальная политика, история международных отношений и международное право, социальная гигиена и санитария⁷.

Следующим шагом в трансформации юридического высшего образования стало Постановление СНК от 4 марта 1921 г. «О порядке организации факультетов общественных наук Российских университетов»⁸. Согласно этому постановлению политико-юридические отделения факультетов общественных наук были преобразованы в правовые отделения с двумя циклами: судебным и административным. Такие отделения функционировали в университетах Москвы, Петрограда и Иркутска.

На факультеты общественных наук прием производился по командировкам партийных и советских организаций. Так, только на правовое отделение ФОНа Московского университета в 1921 г. по командировкам партийных и советских организаций было принято около 400 человек, а в 1922/23 учебном году на этом отделении обучалось уже 1169 студентов⁹. При большинстве вузов были созданы рабочие факультеты для ускоренного прохождения курса средней школы.

В середине 20-х гг. ФОНЫ были упразднены, а вместо них открыты факультеты советского права. Это было сделано в целях упорядочения преподавания юридических дисциплин, систематизации и углубления подготовки юристов новой формации. Декретом СНК РСФСР от 8 августа 1924 г. «Об изменении сети высших учебных заведений»¹⁰ были ликвидированы факультеты общественных наук в Саратовском и Ростовском университетах; факультеты общественных наук Иркутского и Среднеазиатского университетов были реорганизованы в факультеты права и хозяйства. Срок обучения на них составлял 4 года¹¹.

Постановлением СНК РСФСР от 28 апреля 1925 г.¹² факультет общественных наук Московского университета был преобразован в два факультета: советского права и этнологический. В составе факультета советского права было создано четыре отделения:

1) судебное отделение, готовящее судей, прокуроров, следователей, нотариусов, защитников, администрацию и инспекцию мест заключения, деятелей комиссий о несовершеннолетних, руководителей уголовного розыска;

2) хозяйственно-правовое отделение, готовящее юрисконсультов по правовым вопросам хозяйственных наркоматов, хозорганов, профсоюзных, кооперативных и др. специалистов;

3) государственно-административное отделение (в последующем – советского строительства), готовящее работников НКВД, РКИ, ПТУ, НКФ, организаторов-администраторов орготделов и оргчастей ЦИК, областных и окружных исполкомов и ГИК;

4) международное отделение, готовящее работников НКВД, Наркомторга, работников иностранных отделов наркоматов¹³.

Прием на факультет советского права МГУ в 1926–1927 гг. составил 425–450 человек в год¹⁴. Всего за первое десятилетие советской власти Московский университет подготовил и выпустил около 1600 юристов¹⁵.

В Ленинградском университете с осени 1926 г. также был открыт факультет советского права. На нем было создано два отделения – судебное и хозяйственно-административное (с двумя циклами: административным и хозяйственным).

Новый этап в становлении системы юридического образования в СССР можно отнести к концу 20-х гг. XX в. К этому времени среди руководителей Советского государства все более укреплялось мнение о необходимости получения правовой подготовки работниками суда, прокуратуры, следствия. По признанию А.Я. Вышинского, прежде данному вопросу уделялось мало внимания, так как сильны были представления, что «... юридическое образование не нужно, что можно обойтись не только без римского права, но и без советского права, которое кое-кто хоронил по первому разряду, протаскивая гнилые теории об отмирании права, об отмирании юстиции, об отмирании суда. Мы распылили наши кадры: новых не создали, старые потеряли»¹⁶.

Изменения, которые начали осуществляться в указанной сфере, были обусловлены рядом причин:

1) потребностью в кадрах, которые по своему образовательному уровню соответствовали бы задачам развернувшегося в ходе первых пятилеток социалистического строительства, а также могли более квалифицированно реализовывать директивы руководства страны в сфере юстиции;

2) централизацией самих органов юстиции и усложнявшимися требованиями к делопроизводству;

3) возрастанием роли позитивного права и связанной с этим необходимостью для работников юстиции профессионально разбираться в его нормах.

«Мы не родились ни судьями, ни прокурорами, мы не родились юристами... Мы только сейчас по-настоящему начинаем законы знать», – говорил в этой связи Л.М. Каганович (курировавший в тот период органы юстиции), выступая 21 сентября 1934 г. на совещании судебно-прокурорских работников в ЦК ВКП(б)¹⁷.

Для руководства страны становилось все более очевидным, что работа в органах юстиции, как и любая другая действительно профессиональная деятельность, непосредственно зависит от наличия специальной подготовки.

Основная масса судей, прокуроров, следователей юридическое образование получала через сеть правовых курсов. Они были двух видов: одни давали высшее юридическое образование, а другие, создававшиеся на местах и потому получившие название «областные», – среднее.

В.В. Ганин пишет, что попытка создать систему среднего юридического образования была предпринята в 1930–1950-е гг.¹⁸ В действительности такая система начала создаваться еще в 20-е гг.

В 1922 г. на необходимость активной подготовки юридических кадров было обращено внимание в решениях IV сессии ВЦИК РСФСР¹⁹.

Открытие областных юридических курсов осуществлялось на основании Постановления СНК РСФСР от 22 декабря 1922 г., где говорилось о 10 областных одногодичных юридических курсах (ОЮК) для подготовки 1250 судей и следователей²⁰.

Однако в 1923 г. областные курсы были открыты лишь в 6 городах: Ленинграде, Ярославле, Саратове, Ростове-на-Дону, Перми, Иркутске. В 1927 г. к ним прибавился Свердловск, но закрылись курсы в Ярославле.

В 1929 г. руководство работой юридических курсов было передано из ведения Наркомпроса в ведение Народного комиссариата юстиции. В 1931 г. в связи с ликвидацией НКВД РСФСР²¹ Наркомюсту была передана также вся сеть учебных заведений по подготовке и переподготовке работников исправительно-трудовых учреждений.

По решению коллегии НКЮ от 30 мая 1929 г. с 1 октября было решено дополнительно открыть областные курсы по переподготовке работников юстиции в ряде городов, в том числе восстановить Ярославские курсы²². В июле 1929 г. Наркомюст утвердил план подготовки кадров на первую пятилетку. Согласно ему существовавшие годичные юридические курсы были реорганизованы в пятимесячные, число которых увеличивалось до 14. Кроме того, с 1 октября 1929 г. во всех краях и областях планировалось создать вечерние годичные курсы по подготовке кадрового резерва для юстиции из числа рабочих-выдвиженцев.

В целом к 1933 г. в стране существовала следующая система начальной юридической подготовки и переподготовки сотрудников органов юстиции²³.

Низшее звено: 1) юридические курсы по подготовке рабоче-крестьянского актива с шестимесячным сроком обучения без отрыва от производства; 2) трехмесячные курсы для подготовки секретарей судов, судебных исполнителей и нотариусов; 3) шестимесячные курсы по переподготовке работников надзора исправительно-трудовых учреждений (без отрыва от производства).

Среднее звено: 1) дневные рабфаки при институтах советского права с трехгодичным обучением; 2) вечерние рабфаки при тех же вузах с четырехгодичным курсом обучения; 3) краткосрочные курсы по подготовке национальных кадров в правовые вузы; 4) межрайонные одногодичные национальные школы по подготовке районных работников юстиции для автономных областей и республик с судебно-прокурорско-следственным и исправительно-трудовым отделениями; 5) одногодичные областные (краевые) курсы по подготовке районных работников юстиции с такими же отделениями; 6) шестимесячные областные (краевые) юридические курсы по переподготовке той же группы работников с теми же двумя отделениями.

Четырнадцать 6-месячных курсов переподготовки низовых работников в СССР выпустили в 1933 г. 438 человек, в 1934 г. – 632, а годичные курсы подготовки новых низовых работников юстиции в 1933 г. выпустили 857 человек, в 1934 г. – 881²⁴. В 1935 г. годичных правовых школ в СССР насчитывалась 31, в них слушателей – 10300, на 6-месячных курсах слушателей обучалось 1750 человек²⁵.

Тем не менее, оперативное совещание у Прокурора СССР 27 апреля 1935 г. по вопросу развития правового образования констатировало, что намеченные в этой области меры не выполнены. Была поставлена задача помочь ОЮК преподавателями и учебниками²⁶. С этого времени уровню преподавания в правовых учебных заведениях начало уделяться повышенное внимание.

Руководством НКЮ ставилась задача «выявить среди практических работников юстиции подготовленных преподавателей и заставить их преподавать. Необходимо переломить самый взгляд на преподавателя как работника второго сорта»²⁷.

26 ноября 1935 г. Прокуратура РСФСР разослала на места письмо, где говорилось, что сложилось крайне тяжелое положение с кадрами из-за низкого уровня их профессионального образования. В этой связи было решено удвоить контингент набора в годичные правовые школы и юридические курсы²⁸.

5 августа 1935 г. коллегия НКЮ распространила циркуляр «О порядке комплектования и набора на 6-месячные юридические курсы на 1935–36 гг.». В нем указывалось, что за результаты набора персональную ответственность несут председатель облсуда и облпрокурор. Они же вместе с заведующим курсами, секретарями партийных и комсомольских бюро курсов входили в состав приемной комиссии. Принимались исключительно практические работники: судьи, прокуроры и их помощники, следователи. Испытания проходили по русскому языку, математике и обществоведению.

Наряду со стипендией слушатели получали и зарплату по месту работы²⁹. Однако в целом в 1935 г. план набора в годичные правовые школы и на курсы выполнить не удалось: было зачислено 4843 человека вместо 5020³⁰.

В 1936 г. правовые школы и курсы было решено преобразовать в учреждения по переподготовке кадров³¹. Таким образом, для получения юридического образования нужно было поступать в высшие учебные заведения.

Высшее юридическое образование работники органов юстиции в рассматриваемый период могли получить в следующих учебных заведениях (или их структурных подразделениях):

1) на высших юридических курсах по переподготовке руководящих работников органов юстиции в г. Москве с двумя отделениями: судебно-прокурорско-следственным и исправительно-трудовым;

2) на факультетах советского строительства и права (с 1935 г. – юридические факультеты) университетов;

3) в институтах советского права в гг. Москве, Ленинграде, Саратове, Иркутске и Казани с отделениями: судебно-прокурорско-следственным, исправительно-трудовым, хозяйственно-правовым (а в г. Москве еще и с международно-правовым); срок обучения – трехгодичный;

4) в заочных секторах при тех же институтах с судебно-прокурорско-следственным и исправительно-трудовым отделениями (срок обучения – 3,5 года);

5) в Центральном заочном институте советского права.

Высшие юридические курсы были открыты на основании Постановления СНК РСФСР от 22 декабря 1922 г.³² и начали свою работу в Москве в 1923 г. с набора 70 слушателей. 11 апреля 1929 г. НКЮ РСФСР принял циркуляр «О порядке укомплектования Высших юридических курсов в 1929/1930 учебном году», в котором Высшие юридические курсы (ВЮК) рассматривались как «институт по переподготовке руководящих работников юстиции, проявивших себя способными и растущими специалистами, но нуждающимися в теоретической подготовке». Это могли быть заместители республиканских Наркомюстов, члены республиканских верховных судов, заместители областных прокуроров и председателей областных судов, члены облпрокуратуры и областных судов со стажем работы в органах юстиции не менее 3 лет. Всего набиралось 125 человек. Кандидатов на курсы на местах отбирала комиссия во главе с председателем областного (краевого) суда и членами, представляющими обком и облсполком. Устанавливалось, что в новом наборе должно было быть 90% рабочих по социальному происхождению³³. По итогам набора 1929 г. в ВЮК 100% поступивших были членами ВКП(б), 58% – рабочих по социальному происхождению³⁴.

17 мая 1930 г. коллегия НКЮ рассмотрела вопрос о состоянии и деятельности ВЮК, в результате чего 13 июня 1930 г. Н.М. Янсоном было подписано постановление, в котором признавалось, что контрольные цифры по качественному составу слушателей не выполнены. Предлагалось в следующем наборе командировать на курсы лишь тех работников, которые проработали в своей должности не менее года, а по уровню снабжения и довольствия ВЮК приравнять к Высшим курсам промышленности.

Первоначально ВЮК находились под двойным подчинением: НКЮ РСФСР и Наркомпроса РСФСР, у них не было собственного профессорско-преподавательского состава, упор в преподавании делался не на юридические дисциплины, а на марксистско-ленинскую подготовку. В 1930 г. руководство работой ВЮК было полностью передано из ведения Наркомпроса в ведение Народного комиссариата юстиции.

Всего на 1 января 1932 г. на ВЮК обучалось 153 человека³⁵. В 1933 г. ВЮК выпустили 65 человек, прошедших полуторагодичное обучение, в 1934 г. – 62 человека, в 1935 г. – 65 человек³⁶.

Наряду с ВЮК высшее юридическое образование уже в 20-е гг. давалось на факультетах советского строительства и права ряда университетов. 11 июня 1930 г. коллегия НКЮ рассмотрела вопрос о превращении факультета советского права 1-го МГУ в Коммунистический институт советского строительства и права, а факультет советского права в Ленинградском университете – в Институт советского строительства и права. Реализована эта идея была в 1931 г., когда факультеты советского права и советского строительства государственных университетов в Москве (1-й МГУ), Ленинграде, Саратове, Иркутске и Казани были реорганизованы в самостоятельные институты советского права (ИСП) и переданы в ведение Наркомюста РСФСР (все институты тогда находились на территории РСФСР).

Преподавательский состав в ИСП на 1 декабря 1931 г. был следующим: 45 профессоров, 129 доцентов, 51 ассистент, всего – 225 человек³⁷. Всего на 1 января 1932 г. в ИСП РСФСР обучалось 1185 человек, на созданных при них рабфаках – 507 человек³⁸. В каждом ИСП существовало несколько отделений. Так, в 1932 г. в Московском ИСП было 4 отделения: судебно-прокурорско-следственное (180 студентов, в том числе 60 – на дневном отделении, 120 – на вечернем), исправительно-трудовое (90 студентов, в том числе 40 – на дневном и 50 – на вечернем), хозяйственно-правовое (90 студентов, все – вечерники), международно-правовое (30 студентов, все – вечерники).

На учебу в вузы в количестве, установленном согласно разнарядке обкомов (крайкомов) партии, посылались не просто желающие, а те работники, которые отвечали ряду требований. При этом социальное происхождение являлось едва ли не определяющим критерием отбора кандидатов. Так, 3 августа 1930 г. бюро ячейки ВКП(б) облсуда и облпрокуратуры Ивановской промышленной области, которая должна была утверждать их, рассмотрев вопрос о посылке в МИСП старшего следователя облпрокуратуры Почерникова, постановило: «Ввиду того, что тов. Почерников к своей основной работе относится не совсем прилежно, имеет выговор по службе, общественные нагрузки выполнял в недостаточной степени... в просьбе о посылке в вуз отказать». Однако уже на следующем заседании, учитывая рабочее происхождение, ему было дано согласие³⁹.

Согласно Циркуляру НКЮ от 22 апреля 1935 г. поступающие на факультеты и подготовительные отделения правовых вузов должны были на местах сдавать отборочной комиссии испытания по русскому языку, математике, обществуведению.

Пять институтов советского строительства и права в РСФСР выпустили в 1931 г. 380 человек, в 1932 г. – 202, в 1933 г. – 180, в 1934 г. – 327, в 1935 г. – 375⁴⁰. В 1936 г. в связи с переходом на 4-летний курс обучения они не выпустили ни одного студента.

Процент использования в органах юстиции выпускников, окончивших правовые вузы и факультеты университетов в 1929 г., составлял 13%, в 1930 г. – 55%, в 1932 г. – 77,4%⁴¹. Согласно Постановлению НКЮ от 21 марта 1931 г. выпускников ИСП, уклоняющихся от работы по распределению, следовало привлекать к уголовной ответственности.

Из числа 150 человек, окончивших в 1932 г. судебно-прокурорское отделение в институтах совправа, 121 был направлен на периферию: 75 – в прокуратуру, 24 – в суды, 22 – в систему исправительно-трудовых учреждений.

В 1933 г. в НКЮ состоялось совещание по итогам распределения студентов, окончивших правовые вузы в 1933 г. Всего было 135 выпускников, из них 79 направлены на работу в области и нацреспублики, а остальные – в центральный аппарат НКЮ. Отмечался их неудовлетворительный партийный и социальный состав (52% – членов ВКП(б) и 32% – рабочих), уступавший соответствующим показателям по органам юстиции (соответственно 77% и 40%). Более того, семеро выпускников исключены в период обучения из партии и комсомола, еще 21 имел дисциплинарные взыскания, 30 имели слабые показатели в учебе и были недостаточно политически развиты, особенно слабые выпускники – в Казанском и Иркутском ИСП. Так, в Иркутском институте выпускалось 36 человек, из них только 9 были членами партии и 17 имели отрицательные характеристики⁴².

Согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР от 16 сентября 1933 г. «Об улучшении использования молодых специалистов» всякое неприбытие после окончания вуза к месту работы по распределению или самовольное устройство на работу влекли судебную ответственность по ст. 131 УК РСФСР (нарушение обязательств по договору с государством), а руководители учреждений и предприятий, «покрывавших» таких специалистов, привлекались к уголовной ответственности по должностным преступлениям⁴³. Кроме того, устанавливалось, что выпускники сначала должны пройти школу низшего персонала, и потому запрещалось оставлять их на работе в управленческом аппарате. Пять лет они обязаны поработать по распределению. В этой связи запрещался прием в вузы закончивших техникум, если у них не было 5-летнего стажа работы по полученной специальности. К середине 30-х гг. напряженность с подготовкой квалифицированных кадров не спала.

На 1-м Всесоюзном совещании работников юстиции 23 апреля 1934 г. было отмечено, что «правовые вузы владат жалкое существование, особенно в провинции: это карликовые учреждения, которые не имеют средств для того, чтобы надлежащим образом поставить учебу». В результате они давали лишь десятую часть требуемых кадров⁴⁴. Немало проблем существовало и с качеством подготовки юристов. В 1934 г. в ИСП на 1-м курсе до 50% студентов имели неудовлетворительную аттестацию хотя бы по одному предмету⁴⁵. В целях повышения качества подготовки студентов осенью 1934 г. трехлетний курс обучения в ИСП был заменен на четырехлетний.

В 1935 г. в СССР в правовых институтах обучалось 2779 студентов⁴⁶. В 1935 г. высшие правовые учебные заведения РСФСР смогли выпустить только 371 юриста, в том же году с разных курсов выбыло 388 студентов, по разным причинам не сумевшим продолжить образование. Из институтов советского права на 1 января 1936 г. было отчислено 23% от всех обучающихся там студентов⁴⁷.

В феврале 1936 г. Пленум Верховного суда СССР рассмотрел вопрос об исполнении закона от 5 марта 1935 г. «О мероприятиях по развитию и улучшению правового образования»⁴⁸. В том же году был поставлен вопрос о восстановлении юридических факультетов в системе госуниверситетов с 5-годовичным сроком обучения и приемом в основном молодежи, окончившей полную среднюю школу. В учебные планы этих факультетов предлагалось ввести историю государства и права, историю политических учений, историю философии, историю ВКП(б) и Коминтерна, историю народов СССР. Только такие учебные подразделения способны были, по мнению сторонников этой идеи, готовить

действительно высококвалифицированных юристов. А правовые школы и курсы следовало преобразовать в учреждения по переподготовке работников юстиции⁴⁹.

Во второй половине 30-х гг. XX в. в СССР расширилась сеть учебных заведений, где можно было получить высшее юридическое образование: Московский, Ленинградский, Минский, Саратовский, Свердловский правовые институты, а также юридические факультеты Московского, Ленинградского и Киевского университетов, факультет права Харьковского института советского строительства и права, факультет права Ташкентского института советского строительства и права, факультет права Ереванского университета, факультет права Тбилисского университета, факультет права Бакинского социально-экономического института⁵⁰.

В систему профессиональной подготовки юристов высшей квалификации входили также Всесоюзная правовая академия, Высшие академические курсы, Институт красной профессуры, Институт советского строительства и права, а также сеть заочных юридических учебных заведений.

5 марта 1935 г. согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования» с 1 мая 1935 г. на базе существовавших курсов руководящих работников НКЮ РСФСР создаются Всесоюзная Правовая Академия при ЦИК СССР (ВПА) с 2-годовалым сроком обучения и количеством обучающихся на 1935 г. 250 человек и в ее составе – Высшие академические курсы с годовичным сроком обучения (ВАК) и числом обучающихся в 100 человек. Денежное обеспечение слушателям ВПА устанавливалось в размере 250–300 руб. в месяц, ВАК – 150 руб. с сохранением денежного содержания по месту работы.

Цель ВПА – переподготовка и повышение квалификации работников юстиции низшего звена для работы в органах областного (краевого) уровня, ВАК – переподготовка среднего звена судебно-прокурорских работников для замещения руководящих должностей в областных (краевых) судах и прокуратурах. Кафедрами в ВАК руководили А.Я. Вышинский, Н.В. Крыленко, Я.Л. Берман, лекции читали известные профессора М. Строгович, И. Волков и др. Всего в ВПА и ВАК преподавало 22 профессора, 17 доцентов и 12 ассистентов⁵¹. В ВПА было 3 факультета: военно-транспортный, судебно-прокурорский, хозяйственно-правовой. При наборе слушателей в ВПА в 1935 г. проявилось «решительное сопротивление ряда краевых прокуроров и председателей судов в части выполнения ими разверстки»⁵². Причина заключалась в трудностях с заменой работников, находившихся на руководящих должностях в органах юстиции. Разверстка – 150 человек в ВПА и 100 в ВАК – была выполнена лишь на 63%, и потому руководству данных учебных заведений пришлось «добирать» слушателей не по направлениям, а по личным заявлениям. В конце концов удалось набрать 240 человек. Примечательно, что контингент слушателей, зачисленных в ВПА, имел чрезвычайно низкий уровень элементарных знаний (64,3% – с низшим образованием и 31% – вообще с самообразованием)⁵³. По этой причине в учебные курсы пришлось включить дополнительные общеобразовательные дисциплины: русский язык, математику, географию. Из-за этого срок обучения пришлось продлить до 3 лет⁵⁴.

В апреле 1924 г. на заседании правления Института красной профессуры (ИКП) было решено открыть в дополнение к уже существовавшим философскому, экономическому, историческому правовое отделение. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 12 октября 1930 г. все отделения ИКП были реорганизованы в самостоятельные институты. В частности, был создан ИКП истории, советского строительства и права, который должен был готовить для советского и партийного аппарата высококвалифицированных теоретических работников в государственно-правовой сфере. Этот институт имел 3 отделения: историческое, советского строительства и права и заочно-консультационное. Состав зачисленных на них слушателей утверждался Политбюро ЦК ВКП(б)⁵⁵. 15 марта 1931 г. отделение советского строительства и права этого института вошло в состав Института советского строительства и права при Коммунистической академии. Это были учебно-научные центры, имевшие своей целью подготовку ученых и преподавателей-правоведов. Ежегодный набор составлял 100 человек – из числа руководящих работников партийно-советского аппарата и органов юстиции, обязательно с высшим образованием и членом ВКП(б). Разрядки составлялись ЦК ВКП(б), зачисление проводилось на основании отбора предоставленных письменных работ по тематике, установленной институтом. Все поступившие утверждались Мандатной комиссией ЦК. В институте было 5 отделений: общей теории государства и права, советского строительства, хозяйственно-правовой политики, революционной законности и правовой политики, международной политики и права⁵⁶. Наряду с этим Постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 мая 1931 г. при Комакадемии был создан Центральный институт заочного обучения по вопросам советского строительства и права, разверстку мест в который составлял НКЮ.

В целях расширения подготовки кадров работников юстиции в 1929 г. был создан Центральный заочный институт советского права (ЦЗИСП).

Руководство заочным образованием осуществлялось Центральными заочными курсами при Московском институте совправа и Учебно-методическим советом при отделе кадров НКЮ. Заочные секторы по подготовке кадров (с возрастным цензом от 18 до 45 лет и сроком обучения 3,5 года) и

переподготовке (предельный возраст не устанавливался, обучение продолжалось 2 года) были созданы и в остальных ИСП с отделениями: судебно-прокурорско-следственным, исправительно-трудовым, хозяйственно-правовым. Комплектование заочных курсов осуществляли отборочные комиссии в Москве и на местах. За обучение вносилась плата в размере, установленном отделом кадров НКЮ (для тех, чья заработная плата была меньше 100 руб., допускалось освобождение от платы, кто получал до 150 руб., она составляла 30 руб., до 200 руб. – 40 руб., до 250 руб. – 50 руб., свыше – 60 руб.).

3 марта 1931 г. СНК принял Постановление «О системе заочного обучения», согласно которому на 1932 г. предполагалось набрать контингент заочников в 4 тыс. человек, в том числе на курсах при ВЮК – 1500 человек, в Заочном институте совправа – 2500 человек⁵⁷.

Пятое совещание руководящих работников юстиции в 1931 г. специально рассмотрело вопрос о заочном правовом образовании. На основании обсуждения, состоявшегося 18 июля 1931 г., коллегия НКЮ приняла Положение о заочном образовании по советскому праву и Циркуляр о порядке комплектования заочных институтов советского права от 13 января 1932 г. На основании этих документов устанавливалось, что обучающиеся в ЦЗИСП получали высшее образование по программам ИСП в течение 3,5 лет, а руководящие кадры органов юстиции, обучающиеся на ВЮК, – в течение 2 лет.

Консультационные пункты содержались за счет средств из местного бюджета и частично – ЦЗИСП⁵⁸.

Как отмечала коллегия НКЮ в июне 1932 г., сроки комплектования заочных курсов при ИСП не выдерживались (вместо марта контингент набирался в мае и то лишь на 75% , а на исправительно-трудовом отделение – на 30% от планировавшегося количества). При этом вместо предполагаемых 10% служащих набирали свыше 30% – почти столько же, сколько и рабочих. 2/3 из набранных слушателей имели низшее образование, и их сначала надо было обучать по общеобразовательным дисциплинам⁵⁹.

21 октября 1933 г. НКЮ РСФСР принял постановление «О состоянии заочного правового образования». В нем подчеркивалось, что подготовка и переподготовка основной массы работников органов юстиции должна вестись через эту форму обучения и ответственность за состояние системы заочного образования на местах возложена на председателей облсудов и облпрокуроров. Для осуществления самоподготовки, посещения учебных конференций и зачетных сессий заочникам выделялся один свободный день в неделю.

С этого времени ЦЗИСП взял на себя обязанность готовить специалистов с высшим образованием – юрисконсультов (на хозяйственно-правовых факультетах) и защитников (на судебно-прокурорских факультетах). Совещание при НКЮ 5 декабря 1935 г. установило, что около 30% мест должно быть выделено для решения этой задачи.

Как показывала практика на местах, нередко поступление на заочные курсы осуществлялось не столько с целью повысить профессиональный уровень, сколько для освобождения от различных общественных нагрузок и командировок. Причем необходимо это было для того, чтобы освободившееся время использовать для основной работы.

В марте 1935 г. в Постановлении ЦИК и СНК СССР была дана критическая оценка состояния заочного правового обучения и поставлена задача увеличения количества слушателей. Кроме того, получил негативную оценку уровень подготовки слушателей на заочных курсах, было отмечено, что с точки зрения подготовки квалифицированных юристов Центральный заочный институт ничего не дал.

Но, несмотря на критику, контингент обучающихся планировалось увеличить. В 1935 г. он составлял 4170 слушателей (в том числе в РСФСР – около 2 тыс.)⁶⁰, в следующем году предлагалось довести его до 6 тыс.⁶¹

Конечно, возможности такого резкого расширения были гипотетическими, поскольку в короткий срок оно не могло получить необходимую учебно-методическую, аудиторную и преподавательскую базу.

В начале 1936 г. в ЦЗИСП состоялся первый выпуск. 31 октября 1936 г. А.Я. Вышинский подписал приказ «О заочном образовании», в котором установил освобождать заочников от служебных обязанностей на период проведения учебных и экзаменационных сессий в общей сложности на 20 дней в году. Участие в сессиях приравнивалось к служебным командировкам: оплачивались проезд, суточные и квартирные расходы. Для сдачи государственных экзаменов устанавливался дополнительный оплачиваемый отпуск⁶².

Тогда же ЦЗИСП был переименован в Центральный заочный юридический институт.

Постановление СНК СССР от 29 августа 1938 г. «О высшем заочном обучении» наметило пути дальнейшего его развития. Оно нацеливало на максимальный охват работников органов юстиции этой формой образования как наиболее реальной и достижимой, а также требовало неукоснительного соблюдения льгот заочникам.

Для оценки эффективности функционирования юридических учебных заведений и степени решения ими задачи подготовки квалифицированных юридических кадров необходимо

проанализировать уровень юридического образования среди работников органов юстиции в конце 20-х–30-х гг.

Динамика в этой области выглядела следующим образом. В середине 1929 г. среди 8577 работников НКЮ РСФСР высшее юридическое образование имели около 500 человек (5,8%), среднее юридическое образование – около 2 тыс. человек (23%)⁶³. На 1 июля 1931 г. юридическое образование имели 2946 чел. (37,9%)⁶⁴.

На 1 января 1929 г. число судебных работников с низшим образованием в РСФСР составляло: среди членов обл(край) судов – 74,8% , в составе народных судей – 72, 9%; юридическое образование имели соответственно 10% и 23,1%, высшее юридическое образование – 5,1% и 5,9%. На 1 декабря 1935 г. эти показатели составили соответственно 65,5% и 48,5%, 33,1% и 34,9%, 12,3% и 4,2%.⁶⁵

Среди прокуроров в РСФСР на 1 января 1929 г. низшее образование было у 74%, высшее юридическое образование имели 11% прокуроров и следователей⁶⁶. Среди следователей в РСФСР, по данным на декабрь 1932 г. и декабрь 1933 г., с высшим юридическим образованием было соответственно 8% и 7,4%, со средним юридическим образованием – 24% и 18,7%⁶⁷. В 1934 г. в РСФСР не имели никакой юридической подготовки 59% прокуроров (1052 человека), а высшее образование было у 13,6%⁶⁸.

При этом из 257 прокуроров, имевших высшее юридическое образование, лишь 172 получили его после 1928 г. Это свидетельствовало о низкой интенсивности в формировании квалифицированных кадров в первой половине 30-х гг.⁶⁹

В целом по СССР на 1 марта 1935 г. среди прокуроров и следователей с высшим юридическим образованием было 15% , со средним – 30%⁷⁰.

В РСФСР в 1931 г. 13,2% следователей имели высшее юридическое образование, в 1932 г. – 11,1%, в 1933 г. – 9,4%, в 1934 г. – 9,9%⁷¹.

В целом по СССР на 1 января 1935 г. количество судебно-прокурорских работников с высшим юридическим образованием составляло: в центральных и областных аппаратах – 9%, в районных – 4%. Свыше 50% всех работников органов юстиции не имели никакого юридического образования⁷².

Низкий образовательный уровень работников юстиции к началу 30-х гг. объяснялся тем, что для их вооружения необходимыми юридическими знаниями требовалось время и, кроме того, в первую очередь тогда решалась задача отстоять существование государства диктатуры пролетариата. Поэтому в отношении работников юстиции главными критериями были не квалификационные качества, а социально-идеологические признаки.

Например, в феврале 1932 г. на 6-м совещании руководящих работников органов юстиции подчеркивалось, что «система правового образования должна и впредь ориентировать работу своих звеньев на подготовку «воинствующих юристов», которые «способны беззаветно бороться за генеральную линию партии»⁷³.

Вместе с тем ставка тогда делалась не на подготовку новых кадров, а на переподготовку уже работающих, и в этой связи отмечалась медлительность Народного комиссариата юстиции, который «мог бы добиться в этой области более высоких показателей»; признавалось, что в прежние годы «была проведена лишь подготовка к развертыванию дела повышения юридической квалификации кадров судебных и прокурорско-следственных работников»⁷⁴.

В результате уровень квалификации работников органов юстиции вызывал тревогу у самих руководителей соответствующих ведомств.

Так, выступая на 1-м Всесоюзном совещании работников юстиции 23 апреля 1934 г., прокурор ИПО И.Л. Драгунский заявил: «Я считаю, что центр очень мало помогал нам в основном вопросе, в вопросе о кадрах. Я считаю, что это решающий участок работы... Надо отдать себе отчет, что *временами буквально становится жутко от того, в чьих руках на местах находится это серьезнейшее оружие советской власти и диктатуры пролетариата – суд и следствие*»⁷⁵ (курсив автора – И.О.).

Об уровне профессиональной подготовки прокуроров и следователей можно судить по результатам сдачи ими в 1935 г. юридического минимума – своего рода квалификационного экзамена⁷⁶. В целом по РСФСР 30% сдававших юрминимум работников юстиции получили неудовлетворительные оценки. Неслучайно, что задача юрминимума – обеспечить овладение элементарными юридическими знаниями работников юстиции – была признана недостигнутой⁷⁷.

В 1936 г. среди работников прокуратуры в целом по стране лишь 11% имели высшее образование и 54,4% не имели никакой юридической подготовки, а среди следователей эти показатели составляли соответственно 9,3% и 59,2%⁷⁸.

Таким образом, сохранялась необходимость повышения уровня профессиональной подготовки работников юстиции. Однако по-прежнему далеко не все из них стремились к этому. Решающее значение для их работы имело не столько образование, сколько социальное происхождение,

членство в ВКП(б), безукоснительное следование «генеральной линии партии», активная борьба с «врагами» социалистического строительства, «вредительскими элементами», кулаками, «уклонистами» и т.п.

Наличие даже высшего юридического образования не являлось важным фактором в продвижении по служебной лестнице. Вот лишь один пример. Следователь г. Владимира П.А. Курныков, еще в 1916 г. окончивший юридический факультет Московского университета, в 1934 г. был признан одним из лучших следователей РСФСР, и его рекомендовали для работы в областной прокуратуре. Однако он так и остался в прежней должности. Объяснение этому дает характеристика, в которой указывалось, что хотя он и «имеет юридические знания в большем объеме, чем нужно следователю», но его серьезным недостатком «является политическая отсталость и отсутствие общественно-политической работы»⁷⁹. Таким образом, образовательный критерий еще не стал главным в оценке профессиональных качеств работников юстиции.

Наряду с этим в середине 30-х гг. стала проявляться и другая тенденция. К этому времени, как отмечал А.Я. Вышинский, прошел период недооценки правового образования и мнений о его скорой ликвидации вместе с юридическими факультетами как пережитков прошлого, но появилась иная крайность, когда наличие юридического диплома выступало в качестве критерия не профессиональной квалификации, а идейно-политической «зрелости»⁸⁰. Так, в июле 1936 г. прокуратура Ивановской промышленной области обратилась с «товарищеским письмом» ко всем райпрокурорам, их помощникам и следователям с просьбой учиться заочно. «Пора понять и уяснить всем работникам прокуратуры, – подчеркивалось в письме, – что тот, кто не работает над повышением своего идейно-политического правового уровня, тот не может правильно понять, осознать, провести в жизнь директивы партии и правительства, вытекающие конкретно из складывающейся борьбы с классовыми врагами пролетариата в деле построения социалистического общества»⁸¹.

Отсюда видно, что главная цель юридической подготовки и повышения профессиональной квалификации виделась не в понимании и правильном применении правовых норм, а в выполнении установок партии.

Показателен и другой факт. В ходе обсуждения новой Конституции в прессе высказывалось мнение о возможности установления для судебных должностей образовательного ценза, т.е. условия наличия юридической подготовки. Однако тогда руководство НКЮ РСФСР и Прокуратуры СССР посчитали это требование ошибочным и в деловом, и в политическом (поскольку этот ценз сузил бы круг кандидатов в народные судьи «из гущи народных масс», откуда выходит много талантов в разных сферах профессиональной деятельности⁸²) отношениях.

Подводя итоги развитию правового образования за несколько лет, ЦК ВКП(б) в разосланном на места закрытом письме «О кадрах судебных работников и работе судов» от 16 января 1936 г. указывал: «Наличный состав прокурорско-следственных работников с точки зрения общего и специального правового образования и опытности неудовлетворительный, ввиду того, что кадрами до последнего времени ни суды, ни прокуратуры, ни наркомюсты, ни партийные организации не занимались. По РСФСР 56,3% прокуроров не имеют никакого юридического образования, народных следователей без юридического образования 60,5%, в краевых и областных прокуратурах 53,7% помощников прокуроров не имеют даже элементарного юридического образования. Высшее юридическое образование имеют всего 6,8% от общего числа прокурорско-следственных работников»⁸³. Не лучшим образом дело обстояло и среди народных судей: в РСФСР в конце 1936 г. 41,6% из них не имели правового образования⁸⁴.

На Всесоюзном прокурорском совещании в 1936 г. Прокурор РСФСР В.А. Антонов-Овсеенко признавал: «Мы имеем около 30% следователей, которые негодны для нашей работы по своей подготовке, и 20%, которые вообще для нас не подходят. Мы имеем около 30% прокуроров, которые также под большим сомнением. Нам предстоит большая борьба за кадры»⁸⁵.

К 1937 г. текучесть кадров в прокуратуре не уменьшилась: следователей со стажем до 1 года работало 28,7%, от 1 до 3 лет – 33,7%, свыше 3 лет – 37,6%⁸⁶. Прокурор Ивановской промышленной области Р.М. Карасик, выступая на Всесоюзном прокурорском совещании в июле 1936 г., подчеркивал: «Мы имеем на местах хороших работников, но их малая подготовленность, их малая квалификация не дает им возможности выполнять те задачи, которые мы перед ними ставим»⁸⁷.

Добиться коренного перелома в решении задачи получения юридического образования работниками юстиции не удалось и в следующие годы. Руководство Наркомюста и Прокуратуры открыто признавало недостатки в сфере квалификации прокуроров и следователей, лишь незначительное число которых имели высшее юридическое образование. Неслучайно 17 марта 1938 г. А.Я. Вышинский запретил без своей личной санкции увольнять с работы из органов прокуратуры лиц с таким образованием⁸⁸.

Материалы переписи 1939 г. свидетельствуют, что среди всех работников юстиции высшее юридическое образование имели 2,4 тыс. человек (11,6%), а среднее – 3,6 тыс. (48%). На 1000 судей

и прокуроров приходилось только 117 человек с высшим образованием – это был один из самых низких показателей среди всех категорий служащих. Среди «юридического персонала» высшее образование имели 13 тыс. человек (31%), среднее – 17 тыс. (40%). Таким образом, с высшим образованием здесь было в 3 раза больше работников, чем среди находящихся на более ответственной работе прокуроров и судей.

В 1939 г. только 10% прокуроров и следователей в СССР имели высшее юридическое образование⁸⁹ (столько же, сколько и в 1933 г.⁹⁰), т.е. показатели в этой области на протяжении 30-х гг., несмотря на все предпринимаемые меры, не изменились.

Показательна в данном отношении биография известного следователя Л.Р. Шейнина. В 1923 г. семнадцатилетний студент Высшего литературно-художественного института был фактически принудительно назначен (мобилизован по путевке райкома комсомола) следователем Московского окружного суда. «А через полгода, – пишет Л.Р. Шейнин в автобиографических «Записках следователя», – я держал экзамен в аттестационной комиссии губсуда, и ее председатель Дегтярев, мрачный, бородатый, очень строгий старик, безжалостно «гонял» меня по всем главам и разделам уголовного, процессуального и гражданского кодексов...»⁹¹. Так и не получив высшего юридического образования, Л.Р. Шейнин более четверти века находился на следовательской работе, занимая, в том числе, должности старшего следователя Ленинградского областного суда, а в 1939–1949 гг. – начальника следственного отдела Прокуратуры СССР.

Не лучше обстояло дело и с юридической подготовкой судей. В 1941 г. только 6,4% из них имели высшее юридическое образование. Гораздо больше было закончивших юридические школы и прошедших различные курсы переподготовки – 68,1%⁹². В СССР тогда не имели юридического образования 30,2% членов Верховных судов, 26,1% членов краевых (областных) судов и 38,9% народных судей⁹³.

В заключение следует подчеркнуть, что за десятилетие – с конца 20-х и до конца 30-х гг. – численность юридических кадров в стране удвоилась, количество юридических учебных заведений также значительно увеличилось, но удельный вес работников органов юстиции, имевших высшее и среднее юридическое образование, практически не изменился.

Это объясняется не только проблемами организационного становления системы юридического образования, но и большой текучестью юридических кадров, последствиями репрессий и кадровых «чисток» в органах юстиции в 1937–1938 гг. На смену работникам, получившим юридическое образование, обычно приходили люди без какой-либо правовой подготовки. Получалось, что далеко не каждый работник юстиции был юристом. Безусловно, это негативно сказывалось на профессиональном уровне их деятельности. Попытки улучшить положение дел в этой сфере были прерваны начавшейся Великой Отечественной войной.

Примечания

¹ См.: *Шебанов А.Ф.* Юридические высшие учебные заведения. – М., 1963; Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР. – М., 1976; *Буков В.А.* Становление и развитие подготовки юридических кадров для судебных и прокурорско-следственных органов // Проблемы совершенствования советского законодательства. – М., 1982; *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. – М., 1998. – С. 30–34, 172–179, 264–267; *Смыкалин А.С.* Юридическое образование в СССР и Российской Федерации: исторический аспект // Юридическое образование и наука. – 2000. – № 2; *Ганин В.В.* Государственная политика в области подготовки юридических кадров России (конец XIX–XX вв.): Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2003.

² Цит. по: *Шебанов А.Ф.* Указ. соч. – С. 36.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (далее СУ РСФСР). – 1919. – № 2. – Ст. 20.

⁵ См.: Харьковскому юридическому институту 50 лет // Правоведение. – 1971. – № 2. – С. 142.

⁶ См.: *Ганин В.В.* Указ. соч. – С. 236.

⁷ См.: Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР. – С. 37.

⁸ См.: СУ РСФСР. 1921. № 18. Ст. 117.

⁹ См.: *Шебанов А.Ф.* Указ. соч. – С. 37.

¹⁰ См.: СУ РСФСР. 1924. № 68.

¹¹ См.: *Шебанов А.Ф.* Указ. соч. – С. 43.

¹² См.: СУ РСФСР. 1925. № 28. Ст. 199.

¹³ См.: Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР. – С. 44.

¹⁴ См.: *Шебанов А.Ф.* Указ. соч. – С. 44.

¹⁵ См.: Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР. – С. 47.

- 16 Совещание в Прокуратуре Союза ССР с районными следователями // Социалистическая законность (далее СЗ). – 1936. – № 7. – С. 83.
- 17 Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 164. Л. 59.
- 18 См.: *Ганин В.В.* Указ. соч. – С. 200.
- 19 См.: IV сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва. 23–31 октября 1922 г. (Стенографический отчет). Бюллетень № 8. – М., 1922. – С. 5.
- 20 См.: СУ РСФСР. 1923. № 1. Ст. 9.
- 21 Согласно Постановлению СНК и ЦИК СССР от 15 декабря 1930 г. в состав НКЮ РСФСР было передано Главное управление местами заключения.
- 22 См.: В коллегии НКЮ РСФСР // Ежедневник советской юстиции (далее ЕСЮ). – 1929. – № 27. – С. 618.
- 23 См.: Сов. юстиция. – 1932. – № 33. – С. 23–24.
- 24 См.: *Александровский П.* Повышение квалификации кадров работников органов юстиции – важнейшая задача // За социалистическую законность (далее ЗСЗ). – 1935. – № 1. – С. 29.
- 25 См.: *Крастин И.* Юридическая подготовка судебно-прокурорских работников // СЗ. – 1935. – № 8. – С. 27.
- 26 См.: Государственный архив Ивановской области (далее ГАИО). Ф. 546. Оп. 1. Д. 297. Л. 35 об. Следует отметить, что постепенно проблема с преподавательскими кадрами решалась. Так, в 1936 г. в РСФСР среди преподавателей правовых школ и юридических курсов 57% имели высшее образование, 34% – среднее и лишь 9% – низшее (См.: *Крастин И.* Сталинская Конституция и задачи правового образования // СЗ. – 1936. – № 11. – С. 29.).
- 27 *Крастин И.* Юридическая подготовка судебно-прокурорских работников. – С. 28.
- 28 См.: ГАИО. Ф. 546. Оп. 1. Д. 301. Л. 18.
- 29 См.: Там же. Д. 297. Л. 68.
- 30 См.: 55-й пленум Верховного Суда Союза // СЗ. – 1936. – № 9. – С. 33.
- 31 См.: *Бранденбургский Я.* Вопросы переподготовки судебных кадров // СЗ. – 1936. – № 8. – С. 71.
- 32 См.: СУ РСФСР. – 1923. – № 1. Ст. 9.
- 33 См.: О порядке укомплектования Высших юридических курсов в 1929/1930 учебном году // ЕСЮ. – 1929. – № 1. – С. 376.
- 34 См.: *Уваров Г.* Вопросы подготовки работников // ЕСЮ. – 1929. – № 44. – С. 1038.
- 35 См.: Кадры работников юстиции // Сов. юстиция. – 1932. – № 3. – С. 40.
- 36 См.: *Александровский П.* Указ. соч. – С. 29.
- 37 Кадры работников юстиции. – С. 41.
- 38 См.: Там же. – С. 40.
- 39 ГАИО. Ф. П-706. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.
- 40 См.: *Александровский П.* Указ. соч. – С. 29.
- 41 См.: *Тишков А.* Итоги распределения студентов, окончивших в 1932 г. правовые вузы // Сов. юстиция. – 1933. – № 4. – С. 22.
- 42 Одной из причин низкого уровня подготовки выпускников являлась их мобилизация на разного рода хозяйственно-политические кампании. Так, следователь из Московской области Н. Гурецкая в 1936 г. вспоминала: «Я поступила в институт. Меня сразу направили на шесть месяцев в командировку. Я не знаю, была ли я студентка, так как меня только и командировали на разные кампании. Кончила вуз, – ни один прокурор не хотел брать меня на работу: раз кончила институт, то никуда не годится» (Совещание в прокуратуре Союза ССР с райследователями // СЗ. – 1936. – № 7. – С. 78).
- 43 См.: Собрание законодательства СССР (далее СЗ СССР). – 1933. – № 59. Ст. 356.
- 44 На Первом Всесоюзном совещании работников органов юстиции // ЗСЗ. – 1934. – № 6. – С. 28.
- 45 См.: *Макеев В.В.* Больше внимания делу подготовки кадров // ЗСЗ. – 1934. – № 7. – С. 24.
- 46 См.: *Крастин И.* Юридическая подготовка судебно-прокурорских работников. – С. 27.
- 47 См.: *Крастин И.* Сталинская Конституция и задачи правового образования. – С. 28.
- 48 См.: ЗСЗ. – 1936. – № 2. – С. 64.
- 49 См.: *Бранденбургский Я.* Вопросы переподготовки судебных кадров. – С. 71.
- 50 См.: СЗ. – 1936. – № 12. – С. 7.
- 51 См.: *Крастин И.* Всесоюзная правовая академия // СЗ. – 1936. – № 1. – С. 18.
- 52 *Крастин И.* Сталинская Конституция и задачи правового образования. – С. 29.

- 53 См.: *Крастин И.* Всесоюзная правовая академия. – С. 18.
- 54 См.: *Бранденбургский Я.* Вопросы переподготовки судебных кадров. – С. 72.
- 55 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 569. Л. 28.
- 56 См.: Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 5148. Оп. 3. Д. 83. Л. 15.
- 57 См.: О порядке комплектования Заочного института советского права в 1932 г. // Сов. юстиция. – 1932. – № 2. – С. 28–29.
- 58 См.: Положение о консультационных пунктах для заочной системы // Сов. юстиция. – 1932. – № 8. – С. 30.
- 59 См.: Комплектование заочных курсов при МИСПе // Сов. юстиция. – 1932. – № 19. – С. 24.
- 60 См.: *Мальсагов М.* Заочное правовое обучение // ЗСЗ. – 1935. – № 12. – С. 39.
- 61 См.: *Крастин И.* Юридические кадры судебно-прокурорских работников. – С. 27.
- 62 См.: О заочном образовании: Приказ А.Я. Вышинского от 31.X.1936 г. // СЗ. – 1936. – № 12. – С. 74.
- 63 См.: *Стельмахович А.* Пятилетний план подготовки кадров судебно-прокурорских работников // ЕСЮ. – 1929. – № 27. – С. 617.
- 64 См.: Кадры работников юстиции // Сов. юстиция. – 1932. – № 3. – С. 41.
- 65 Подсчитано по: *Стельмахович А.* Подготовка кадров работников юстиции // ЕСЮ. – 1929. – № 6. – С. 123–124; Политика органов юстиции по вопросам улучшения личного состава // Там же. – № 46. – С. 1075; *Бранденбургский Я.* Вопросы переподготовки судебных кадров. – С. 71.
- 66 См.: ЕСЮ. – 1929. – № 46. – С. 22.
- 67 См.: *Вышинский А.Я.* О мероприятиях по улучшению качества судебно-прокурорской работы // ЗСЗ. – 1934. – № 5. – С. 23.
- 68 Подсчитано по: *Стельмахович А.* Подготовка кадров работников юстиции. – С. 123–124; Политика органов юстиции по вопросам улучшения личного состава. – С. 1075; *Строгович М.* Кадры прокуратуры РСФСР // ЗСЗ. – 1934. – № 7. – С. 21.
- 69 См.: *Строгович М.* Кадры прокуратуры РСФСР. – С. 21
- 70 См.: *Крастин И.* Юридическая подготовка судебно-прокурорских работников. – С. 27.
- 71 См.: *Нюрина Ф.Е.* К вопросам следствия // ЗСЗ. – 1936. – № 5. – С. 5.
- 72 См.: *Александровский П.* Указ. соч. – С. 29.
- 73 Сов. юстиция. – 1932. – № 6–7. – С. 36.
- 74 *Кожевников М.В.* История советского суда. 1917–1947. – С. 230.
- 75 На Первом Всесоюзном совещании работников органов юстиции. – С. 24.
- 76 16 сентября 1934 г. народный комиссар юстиции издал приказ о сдаче юридического минимума работниками судов, прокуратуры, следствия для проверки их правовой подготовки и повышения уровня квалификации. Освобождалась от сдачи те, кто имел высшее юридическое образование (См.: Юрминимум // Сов. юстиция. – 1934. – № 28. – С. 10).
- 77 См.: *Строгович М.* О юрминимуме и юридической грамотности // СЗ. – 1936. – № 7. – С. 67.
- 78 См.: *Холмс Л.* Социальная история России. 1917–1941. – Ростов н/Д., 1994. – С. 103; ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 14. Д. 77. Л. 205.
- 79 ГАИО. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 164. Л. 1, 32, 27.
- 80 См.: *Вышинский А.Я.* Наши задачи. – С. 7.
- 81 Архив прокуратуры Ивановской области. Д. 479. Л. 138.
- 82 См.: Суд и прокуратура в проекте новой Конституции // СЗ. – 1936. – № 10. – С. 6.
- 83 ГАИО. Ф. П-367. Оп. 1. Д. 134. Л. 12–13.
- 84 См.: Сов. юстиция. – 1937. – № 14. – С. 2.
- 85 Второе Всесоюзное прокурорское совещание 13–16 июля 1936 г. // СЗ. – 1936. – № 9. – С. 63.
- 86 См.: ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 14. Д. 77. Л. 205–206.
- 87 Второе Всесоюзное прокурорское совещание 13–16 июля 1936 г. – С. 42.
- 88 См.: Сборник приказов Прокуратуры СССР. – М., 1939. – С. 229.
- 89 См.: *Кожевников М.В.* Пути развития советской прокуратуры. Тр. юрид. фак. МГУ. Кн. 5. – М., 1950. – С. 17.
- 90 См.: *Тишков А.* Указ. соч. – С. 22.
- 91 Шейнин Л. Записки следователя. – М., 1979. – С. 9.
- 92 См.: Суд в СССР. – М., 1977. – С. 316.
- 93 См.: Сов. юстиция. – 1941. – № 13. – С. 2.